

Т. А. Базарова

**ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ВИЦЕ-КАНЦЛЕР
П. П. ШАФИРОВ В ДОНЕСЕНИЯХ И ЗАПИСКАХ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ**

Выдающийся деятель петровской эпохи Петр Павлович Шафиров, начавший государеву службу с должности переводчика в Посольском приказе, стал первым в российской истории вице-канцлером (1709) и бароном (1710)¹. Среди дореволюционных историков, посвятивших свои очерки и статьи жизни и деятельности П. П. Шафирова, — Д. Н. Бантыш-Каменский², А. В. Терещенко³, Е. А. Лихач⁴. В этих не потерявших и по сей день своего значения исследованиях излагаются основные факты биографии первого российского вице-канцлера, к которым нередко обращаются и современные историки. Из последних работ следует особо отметить основанное на архивных источниках исследование Д. О. Серова⁵. Одной из причин того, что до сих пор о П. П. Шафирове не написано ни одной монографии⁶, по-видимому, является недостаток источников. Как отметила Е. П. Подъяпольская, архивы всех осужденных за злоупотребления видных деятелей эпохи Петра I дошли до нашего времени «в плачевном состоянии»⁷. Важные сведения для воссоздания биографии П. П. Шафирова могут дать донесения, записки и дневники западноевропейских дипломатов. Историкам петровского времени хорошо известны опубликованные на русском языке описания России Ч. Уитворта, Ю. Юля, Ф. В. Берхгольца⁸, а также переписка иностранных дипломатов при царском дворе. Безусловно, значительное место в донесениях западноевропейских дипломатов занимают описание пере-

говоров с руководителями российского внешнеполитического ведомства, оценки позиций сторон, проблемы войны и мира, развитие торговых отношений и т. п. Однако, помимо этого, донесения англичанина Ч. Уитворта, французов А. де Лави и Кампредона, саксонского дипломата И. Лефорта⁹ и других ярко запечатлели обычаи, нравы, государственное устройство России петровской эпохи.

Одной из важных задач западноевропейские дипломаты считали предоставление своим правительствам точных характеристик российских государственных деятелей. Безусловно, главное внимание уделялось личности царя и его ближайшего сподвижника А. Д. Меншикова¹⁰. Оставшийся в тени главы Посольского приказа Ф. А. Головина переводчик П. П. Шафиров не сразу заинтересовал иностранцев.

Считалось, что впервые П. П. Шафиров в донесениях иностранных дипломатов появился во время первого заграничного путешествия Петра I (1697–1698). В 1975 г. в научно-популярном исследовании «Петр Великий» Н. И. Павленко процитировал анонимного иностранца: Петр I «окружен совершенно простым народом; в числе его перекрещенец еврей и корабельный мастер, которые с ним кушают за одним столом»¹¹. Эту цитату со ссылкой на Н. И. Павленко привел С. Ю. Дудаков¹², и затем она разошлась по другим сочинениям. Между тем, эта фраза содержалась в донесении шведского агента в Голландии Прейса и относилась не к первому, а ко второму заграничному путешествию, и никакого отношения к вице-канцлеру не имела¹³.

П. П. Шафиров начинает регулярно появляться на страницах донесений иностранцев только после того как в 1703 г. стал тайным секретарем и, по сути, правой рукой возглавлявшего Посольский приказ Ф. А. Головина. В начале XVIII в. (до того как он начал фактически возглавлять российскую дипломатию) знавший немецкий и голландский языки П. П. Шафиров наиболее близко контактировал с иностранными послами и резидентами в Москве.

Иностранцы, дававшие первые характеристики тому или иному государственному деятелю, отмечали и внешний облик и деловые качества. Описывая облик П. П. Шафирова, они прежде всего подчеркивали низкий рост и полноту. Так, в 1710 г. датский посланник Ю. Юль писал, что вице-канцлер «мужчина

толстый, низкого роста»¹⁴. В анонимном описании Петербурга 1710–1711 гг. корректно упоминается коренастая, полная фигура барона¹⁵. Спустя более чем два десятилетия камер-юнкер гольштейн-готторпского герцога Карла Фридриха Ф. В. Берхгольц заметил, что П. П. Шафиров «очень мал ростом и так неестественно толст, что едва может двигаться; но при всем том человек необыкновенно приятный»¹⁶.

Мнения иностранцев разошлись при оценке деловых качеств П. П. Шафирова. Ч. Уитворт отмечал, что вице-канцлер прилежен, но «у него больше опыта, нежели природных способностей. Он пользуется репутацией человека, ведущего дела вполне честно»¹⁷. Впрочем, осенью 1708 г. английский посланник сообщил своему правительству о намерении предложить П. П. Шафирову за решение проблем английских купцов в качестве вознаграждения 300–400 фунтов, «в надежде, что ее величество не сочтет такой расход чрезвычайным, так как Шафиров не безучастен к своим выгодам, пользуется большим расположением царя и всегда может быть нам полезен. Впрочем, я не буду излишне торопиться с этим подарком»¹⁸. Упомянутое вознаграждение вице-канцлер получил лишь весной 1710 г.¹⁹

Датский посланник Ю. Юль писал о П. П. Шафирове: «крайне надут и чванен», однако умен, «по-немецки говорит, как на родном языке, в переговорах с ним легко приходишь к соглашению, да и в иностранной политике он довольно сведущ»²⁰. Первая встреча датского дипломата с вице-канцлером в начале 1710 г. в Москве прошла не слишком гладко. П. П. Шафиров настаивал на том, чтобы в официальных документах его именовали титулом «excellence». Ю. Юль потребовал доказательств того, что царь произвел его в тайные советники. «Однако по прошествии нескольких дней спорный вопрос (о титуле) разрешился сам собою — тем, что Шафиров заявил английскому посланнику, посланнику Грунту, прусскому посланнику Кейзерлингу и другим иностранным министрам о своем производстве в тайные советники. Затем, по общему соглашению, мы стали давать ему оспариваемый титул. Впоследствии во всю бытность мою в Москве между мною и Шафировым постоянно существовали добрые дружеские отношения»²¹. Отметим, что позднее датчанин сделал запись: «Смеху достойно, что государственный вице-канцлер Шафиров

требует равенства с римским имперским вице-канцлером, тогда как в сущности он не более как дьяк (Canceler) Посольского приказа»²².

Секретарь датского посланника также заметил, что «одно время они были (с посланником) не в ладах. Шафиров <...> с самого нашего приезда во всем, в чем мог, постоянно противодействовал посланнику»²³.

Добрые отношения между датчанином и вице-канцлером сложились после того, как летом 1710 г. посланник взял к себе в петербургский дом сына вице-канцлера Исайю и поручил своему секретарю обучать его латыни. Р. Эребо писал: «Молодому барону я давал уроки в течение всего лета, притом безвозмездно: всякий раз, как отец (Шафиров) присылал мне деньги за мой труд, а посылал он мне рублей по 20, по 30 за раз, я, несмотря на нужду в них, отсылал их ему обратно»²⁴. Действительно, П. П. Шафиров, которому судьба дала шанс сделать выдающуюся карьеру благодаря знанию голландского и немецкого языков, стремился образовать своего младшего брата Михаила и сыновей Исайю и Якова именно в этой области. Через несколько лет, в 1715 г., вице-канцлер отправил своего старшего сына Исайю за границу, сначала в Германию, а потом во Францию под покровительство русского резидента И. Х. Шлейница.

Ю. Юль во время пребывания старшего сына барона в его доме сделал интересное наблюдение о семейных обычаях Шафировых. В своем дневнике он записал: «мне много раз случалось замечать, у меня за столом сын Шафирова не прикасался к свинине, а однажды на мой вопрос, почему он ее не ест, отвечал, что ее не едят ни родители его, ни братья, ни сестры, ибо считают это грехом»²⁵. Ю. Юль нашел в этом подтверждение слухов, что вице-канцлер «втайне <...> остался евреем»²⁶.

В те же годы с вице-канцлером общался и имперский секретарь (позднее резидент) Оттон Антон Плейер. Он назвал П. П. Шафирова «любимцем царя»²⁷ и ошибочно полагал, что он (как Н. М. Зотов и Г. И. Головкин) входил в состав Ближней канцелярии. «А вице-канцлер Шафиров в таком уважении у царя и у князя в этой канцелярии, что часто удерживает их обоих от принятых уже мер или останавливает приказы их

к исполнению. Оттого-то граф Головкин и следует ему почти во всем, так как Шафиров теперь единственное лицо, имеющее лучшие сведения и опытность в московских придворных обрядах и пользах Московского государства в отношении к иноземным державам»²⁸. Затем имперский секретарь (как ранее Ч. Уитворт) предложил своему правительству обратить внимание на вице-канцлера и «укрепить в нем еще лучше и без того уже доброе его расположение к императорским выгодам милостивым отличием и небольшим подарком по высочайшему усмотрению, который должно будет доставить ему в величайшей тайне для предохранения его от зависти и гонений»²⁹.

Несколько лет спустя, в 1717 г., француз Э. де Либуа охарактеризовал П. П. Шафирова как вежливого и остроумного человека, пользующегося большим доверием царя³⁰. Другой французский дипломат назвал барона человеком «весьма умным» и отметил прекрасное знание итальянского языка³¹.

У обладавшего взрывным темпераментом П. П. Шафирова сложились неоднозначные отношения с представителями российской аристократиями и коллегами по дипломатическому ведомству. Значительная часть конфликтов развивалась на глазах у иностранных дипломатов. Особенно острыми были противоречия между возглавлявшими российскую внешнюю политику канцлером и вице-канцлером, людьми не только разного происхождения, но и несхожих характеров³². Нередко в литературе можно встретить мнение, что П. П. Шафиров рассчитывал занять место скончавшегося Ф. А. Головина. Однако находившийся в Москве в 1706 г. Ч. Уитворт не сообщал о претензиях П. П. Шафирова на вакантный пост главы Посольского приказа. Англичанин назвал трех других претендентов — Г. И. Головкина, Ф. М. Апраксина и Г. Ф. Долгорукого³³. Конфликт между Г. И. Головкиным и П. П. Шафировым развивался в течение длительного времени, и в заключительную фазу перешел к концу петровского царствования, когда положение вице-канцлера настолько усилилось, что он стал менее сдержанным в своих действиях. Так, в 1722 г. Ф. Бассевич отметил не только наличие неприязненных отношений между Г. И. Головкиным и П. П. Шафировым, но и то, что вице-канцлер нередко позволял себе высмеивать скудость канцлера³⁴.

Ф. В. Берхгольц писал, что канцлер и вице-канцлер «почти смертельно ненавидят друг друга»³⁵.

По наблюдениям А. де Лави, П. П. Шафиров и П. А. Толстой действовали «в полном согласии между собой, не предпринимая ничего, не сообщив о том друг и другу». Далее он заметил, что «смертельно ненавидят друг друга» вице-канцлер и Б. И. Куракин³⁶. В конце 1722 г. Ф. В. Берхгольц писал о «страшной ссоре» П. П. Шафирова с А. Д. Меншиковым в Правительствующем Сенате, после которой они перестали наносить друг другу визиты³⁷.

26 сентября 1722 г. вице-канцлер инициировал приговор Правительствующего Сената о выплате своему брату, советнику Берг-коллегии М. П. Шафирову, жалования за шестимесячный период, когда тот по семейным делам находился в Москве. Обер-прокурор Г. Г. Скорняков-Писарев (семья которого была близка к А. Д. Меншикову) немедленно выдвинул обвинение против П. П. Шафирова.

В начале 1723 г. над П. П. Шафировым и Г. Г. Скорняковым-Писаревым началось следствие. Созданный Петром I Вышний суд обвинил вице-канцлера в казнокрадстве, буйном поведении в Сенате и приговорил к смертной казни с лишением всех чинов, титулов и имений³⁸. Французский посланник Ж. Кампредон писал: «все его имения конфискованы, жена и дети выгнаны из дому и от всего собранного им богатства <...> остались теперь лишь ежедневно выдаваемые ему 50 су да милостыня <...>. Не могу я все еще поверить, что опала его была безвозвратна. Царь его любил и заслуги его громадны»³⁹. Следствие по делу вице-канцлера и день казни подробно описали Ф. В. Берхгольц и легационный советник Августа II И. Лефор⁴⁰. В последний момент смертный приговор П. П. Шафирову Петр I заменил ссылкой в Якутск (потом — в Новгород). По мнению современников, место ссылки изменили не для облегчения участи вице-канцлера, а в связи продолжением следственных действий. Ж. Капредон сообщал, что «после приговора открыта какая-то подозрительная переписка его [П. П. Шафирова. — Т. Б.] с некоторыми иностранными дворами»⁴¹.

По свидетельству И. Лефорта, в Новгороде семья Шафирова была крайне стеснена в средствах. Исай Петрович был вы-

нужден служить переводчиком за 160 рублей в год и собирать «пожертвования, чтобы иметь возможность возвратиться оттуда в Петербург»⁴². Явно сочувствовавший семье бывшего вице-канцлера саксонец в сентябре 1724 г. встречался с Исаем Петровичем, который поведал о предстоящем браке своей младшей сестры с князем Мещерским. «Зятя и сестры должны были сложиться, чтобы сделать приданое сестре. Из всего имущества у отца осталось 200 рублей <...>. Сын, который в Польше [Яков. — Т. Б.], также, должно быть, в страшной нужде, просит своих сестер прислать денег»⁴³.

После смерти Петра I императрица Екатерина I позволила П. П. Шафирову прибыть ко двору, восстановила его баронский титул, возвратила часть конфискованного имущества и назначила его президентом Коммерц-коллегии. Ф. В. Берхгольц полагал, что этому способствовало влияние на императрицу симпатизировавшего П. П. Шафирову гольштейн-готторпского герцога. По его словам, вечером 27 марта 1725 г. «ее величеству представлялся старый Шафиров, которому она возвратила шпагу и свободу. Он с восторгом рассказывал у тайного советника Бассевича, как милостиво был принят государынею. При этом случае он имел счастье видеть и императорских принцесс, которые нарочно для того призваны были императрицею. Старика это привело в такую радость, что глаза его наполнились слезами»⁴⁴.

Не являвшаяся сильным государственным деятелем Екатерина I в первые месяцы своего царствования стремилась собрать вокруг себя, как писал И. Лефорт, «хороших советников». 1 мая 1725 г. он доносил, что при дворе «поговаривают об учреждении тайного совета», в который могли войти герцог гольштейн-готторпский Карл Фридрих, А. Д. Меншиков, А. В. Макаров и возвращенный из ссылки П. П. Шафиров⁴⁵. Писал саксонский дипломат и о надеждах П. П. Шафирова на должность канцлера⁴⁶.

Однако занять прежнее положение при дворе и вернуться в большую политику барону не дали его давние противники — А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин и А. И. Остерман. Положение барона заметно пошатнулось после кончины благожелательно относившейся к нему Екатерины I. 19 июля 1727 г. Верховный тайный совет постановил отправить П. П. Шафирова в Ар-

хангельск для улучшения китоловного и рыбного промыслов. Барон всячески оттягивал поездку на север, но в конце концов был вынужден просить императора Петра II об отставке. Эта просьбу удовлетворили в феврале 1728 г., однако «не у дел» бывший петровский дипломат оставался только несколько месяцев. 12 июля 1728 г., по свидетельству испанского посла герцога де Лирия, П. П. Шафирова «простили <...> и позволили ему приехать ко двору поцеловать руку у царя»⁴⁷. Молодой император пожаловал барона чином действительного статского советника и возвратил каменный дом на Городском острове⁴⁸.

Судя по донесениям дипломатов, по Москве снова пошли слухи о намерении П. П. Шафирова сместить с поста вице-канцлера А. И. Остермана. Английский посол Клавдий Рондо считал это вполне возможным, поскольку, по его мнению, А. И. Остерман сильно стеснял в действиях молодого императора⁴⁹. Однако уже в мае 1729 г. он писал, что «о Шафирове речи больше нет, иностранными делами занимается исключительно Остерман»⁵⁰. Возвращение П. П. Шафирова в политику иностранцы связывали с влиянием Долгоруких, с которыми барон породнился через брак своей дочери Марфы. В январе 1730 г. И. Лефорт писал: «Некоторая партия женская из семейства Долгоруких употребляет все усилия возвратить Шафирову прежнее значение»⁵¹. В начале царствования императрицы Анны Иоанновны, отмечая падение влияния А. И. Остермана, он снова задавался вопросом «не приобретет ли Шафиров прежнего значения? Когда я его покинул, он был недалек от этих мыслей»⁵².

Действительно, при новой императрице оказались востребованными дипломатические таланты П. П. Шафирова: в 1730–1731 гг. в качестве второго министра он был направлен в Персию к генерал-лейтенанту В. Я. Левашову (по свидетельству И. Лефорта, в поездке барона сопровождала вторая жена⁵³, Анна Даниловна). П. П. Шафиров снова возглавил Коммерц-коллегию и стал заседать в Правительствующем Сенате. Однако прежнего влияния на российскую политику он не достиг. В 1733 г., по сообщению французского дипломата, Б. Х. Миних предпринял безуспешную попытку заменить А. И. Остермана П. П. Шафировым. Одной из причин неудачи француз называл расстроенное

здоровье барона, отметив, что «известный некогда его глубокий ум стал уже почти неузнаваем более»⁵⁴.

Таким образом, записки и донесения иностранных дипломатов содержат не только личностные характеристики, но и проливают свет на проблему взаимоотношений между П. П. Шафировым и представителями русской аристократии, а также дают исследователям уникальный фактический материал, позволяющий установить неизвестные ранее эпизоды жизни и деятельности вице-канцлера.

¹ Петр Павлович Шафиров (1673?–1739) родился в семье крещеного еврея, переводчик с немецкого (потом и голландского) языков в Посольском приказе (с 1691), сблизился с царем в первом заграничном путешествии (1697–1698), после Полтавской победы стал вице-канцлером (1709); за договор о браке курляндского герцога Фридриха Вильгельма с племянницей Петра I Анной Иоанновной первым в России удостоился титула барона (1710). Заключил Прутский (1711) и Адрианопольский (1713) мирные договоры. Вице-президент Коллегии иностранных дел (с 1717), сенатор (с 1718), приговорен к смертной казни (1723), замененной ссылкой; помилован Екатериной I (1725).

² *Бантыш-Каменский Д. Н.* 1) Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого. М., 1812. Ч. 1. С. 89–142; 2) Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1847. Ч. 3. С. 520–528.

³ Терещенко А. В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837. Ч. III: Вице-канцлеры. С. 3–48.

⁴ *Лихач Е. А.* Шафиров Петр Павлович // Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. «Чаадаев — Швитков». С. 553–567.

⁵ *Серов Д. О.* Администрация Петра I. М., 2008. С. 89–136.

⁶ За исключением написанной на основе опубликованных материалов научно-популярной работы С. Ю. Дудакова (*Дудаков С. Ю.* Барон П. П. Шафиров. Иерусалим, 1989).

⁷ *Подъяпольская Е. П.* Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» // АЕ за 1972 г. М., 1974. С. 59.

⁸ Россия в начале XVIII века: Сочинение Ч. Уитворта / Перевод Н. Г. Беспятых, ред., статья, комментарий Ю. Н. Беспятых. М., 1988; *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: (1709–1711) // Лавры Полтавы: Юст Юль. Оттон Плейер. М., 2001. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725. Ч. 1, 2 // Неистовый реформатор. М., 2000; Ч. 3–5 // Юность державы. М., 2000.

⁹ Письма легационного советника курфюрста саксонского и короля польского Иоанна Лефорта // Сборник РИО. СПб., 1868. Т. III. С. 317–531. Дипломатическая переписка английских посланников при русском дворе:

1704–1708 // Сборник РИО. СПб., 1884. Т. XXXIX. Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра Кампредона с 1722 по 1724 г. // Сборник РИО. СПб., 1885. Т. XLIX.

¹⁰ До сих пор не предпринималось серьезных попыток использовать донесения западноевропейских дипломатов для уточнения биографии первого российского вице-канцлера. Отметим исследование Ю. Н. Беспятовых, который сравнил характеристики государственных деятелей петровской эпохи (в т. ч. и П. П. Шафирова), содержащиеся в трудах по истории России, с депешами нескольких аккредитованных при царском дворе послов и резидентов (*Беспятовых Ю. Н. Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в.: (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм)*. СПб., 1998. С. 66–78, 165–178, 360–368).

¹¹ *Павленко Н. И.* Петр Первый. М., 1975. С. 331.

¹² *Дудаков С. Ю.* Барон П. П. Шафиров. С. 41.

¹³ Извлечение из донесений шведского комиссионс-секретаря Прейса о пребывании Петра Великого в Голландии в 1716 и 1717 г. // Чтения ОИДР. М., 1877. Кн. 2. Отд. 4. С. 4.

¹⁴ *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. С. 122.

¹⁵ Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях // Беспятовых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 70.

¹⁶ *Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725.* Ч. 1. С. 159.

¹⁷ Россия в начале XVIII века: Сочинение Ч. Уитворта. С. 76.

¹⁸ Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброта с 1708 г. по 1711 г. // Сборник РИО. СПб., 1886. Т. L. С. 91.

¹⁹ Там же. С. 334.

²⁰ *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. С. 122.

²¹ Там же. С. 114–115.

²² Там же. С. 137. Отметим, что после Полтавской победы в русской официальной пропаганде получила развитие имперская идея. Несмотря на то, что Петра I провозгласили императором только в 1721 г., впервые этим титулом (а Россия — империей) он был именован уже в 1709 г. во время торжеств в честь Полтавы.

²³ *Эребо Р.* Выдержки из автобиографии Расмуса Эребо, касающиеся трех путешествий его в Россию // Лавры Полтавы. С. 374.

²⁴ Там же.

²⁵ *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. С. 190.

²⁶ Там же. С. 122.

²⁷ *Плейер О. А.* О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году // Лавры Полтавы. С. 404.

²⁸ Там же. С. 411.

²⁹ Там же.

³⁰ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник РИО. СПб., 1881. Т. XXXIV. С. 166.

³¹ Письма де Лави французскому министерству // Там же. С. 324–325.

³² Опытный царедворец Г. И. Головкин (1660–1734) приходился Петру I троюродным дядей. Ю. Юль охарактеризовал канцлера: «высокий, худой, тем не менее видный старик, никакого языка, кроме русского, не знает и умом весьма недалек» (Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. С. 122).

³³ Дипломатическая переписка английских посланников при русском дворе: 1704–1708. С. 300.

³⁴ *Бассевиг Г. Ф.* Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность державы. М., 2000. С. 403.

³⁵ Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725. Ч. 1. С. 158.

³⁶ Письма де Лави французскому министерству. С. 325.

³⁷ Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725. Ч. 2. С. 471, 474.

³⁸ Подробнее см: *Иванов П. И.* Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым // ЖМЮ. 1859. Т. 1. Кн. 3. С. 3–62.

³⁹ Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра Кампредона с 1722 по 1724 г. // Сборник РИО. СПб., 1885. Т. XLIX. С. 304.

⁴⁰ Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725. Ч. 3. С. 25–26; Письма легационного советника курфюрста саксонского и короля польского Иоанна Лефорта. С. 357–359.

⁴¹ Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра Кампредона с 1722 по 1724 г. С. 329.

⁴² Письма легационного советника курфюрста саксонского и короля польского Иоанна Лефорта. С. 375.

⁴³ Там же. Л. 381–382. По-видимому, в донесении упоминается капитан Иван Алексеевич Мещерский. Однако неясно о какой из дочерей П. П. Шафирова идет речь. В историографии упоминаются пять дочерей вице-канцлера, вышедших замуж за представителей первейших фамилий России — князя С. Г. Долгорукова (Марфа), князя А. М. Гагарина (Анна), графа А. Ф. Головина (Наталья), князя В. П. Хованского (Екатерина) и М. М. Салтыкова (Мария). Но возможно, у Шафиновых были и другие дочери.

⁴⁴ Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725. Ч. 4. С. 275.

⁴⁵ Письма легационного советника курфюрста саксонского и короля польского Иоанна Лефорта. С. 404.

⁴⁶ Там же. С. 405.

⁴⁷ *Герцог Лирский*. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л., 1989. С. 209.

⁴⁸ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета: 1728. Т. VI (Июль — декабрь 1728 г.) // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. LXXXIV. С. 56, С. 170.

⁴⁹ Дипломатическая переписка английских посланников при русском дворе: 1728–1733 г. // Сборник РИО. СПб., 1889. Т. LXVI. С. 16

⁵⁰ Там же. С. 48.

⁵¹ Дипломатические документы, относящиеся к истории России XVIII столетия // СПб., 1870. Т. V. С. 340.

⁵² Там же. С. 386.

⁵³ Там же. С. 383–384.

⁵⁴ Донесения французского поверенного по делам Маньяна и распоряжения французского правительства за 1730–1733 г. // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. LXXXI. С. 537.